в тюрьме земляной уморил в Астрахане, Логина на селе учинил землю орать, — тамо и скончался. А иных не пересказать, колико рабов христовых перегубил.

Со мною у всенощнаго взял шездесят человек и в тюрьму посадил, а наутрее их проклинал; оне же, мужествовав, многия ему в глаза плевали. Он же тех безвестно изгубил... [*л. 15 об.*]

[3. Ссылка в Сибирь]

Таже послали меня в Сибирь з женою и з детьми. И колико дорогою было нужды, того всего много говорить. Нужна мне та была дорога, пятнадцать недель везли до Тобольска телегами и водою и саньми. В Тобольске жил полтора годы, у церкви проповедуя слово божие и ево Никонову обличая ересь. А как нас разослал с Москвы и внес в церковь сию нововводную ересь и не стерпе ярость господня, излиял фиял гнева своего на царство московское за церковной раскол... [*л. 17 об.*] Бысть мор в Москве и по градом, и по селом; людие же неразумни суть, стонуще и изгибающе, и умирающе безвестно, а ереси от церкви изринути не восхотеша, яко же и доныне держится. О, увы и горе! Блюдемся другаго фиала, того страшнее. О сем до зде.

Егда же услышал Никон мое обличение о нем в Тобольске, что браню от писания и укоряю ересь ево, и посем пришел указ от Никона в Тобольск, велено меня вести на Лену. В Тобольске же многие беды были: в воду нощию посадить хотели и с палками караулили не по одну нощь — убить до смерти хотели. И то премину говорить, — много везде беды, по Павлу апостолу... [*л. 18*]

[4. Возвращение на Русь]

И осталися годом до Москвы. Нужен той поплав путь мне был: семнатцать человек у меня, нужные и хворые, бабы и робята. А плыл два лета посреде царьств иноземцов [*л. 28 об.*] неверных, поминая писанное: „уповающаго же на господа милость обыдет". На иной реке иноземцы судно наше с нами и к берегу притащили, мы чаяли нас истребят, а они нас и отпустили: богу так изволившу, — востенали есьмы в то время к нему свету. Еще же к тому, чрез море (Байкал, — *В. М.*) великие беды едучи видели. Полно тово говорить, — недостанет ми повествовати лето... [*л. 29*]

[5. Увещания]

И нынешняго, сто семьдесят четвертого году, в великой мясоед, взял меня пристав с Мезени к Москве одново и, привезши, отдал Павлу, крутицкому митрополиту. Он же меня у себя на дворе, привлачая к своей прелестной вере, томил всяко пять дней; и козновав и стязався со мною, отвезли в Пафнутьев монастырь под начал и велел игумну на чепи мучить. Игумен же зело гораздо, переменяя чепи, девять недель меня [*л. 32*] мучил, волоча в церковь на всяк день, говоря: „приобщися нам!". Аз же смеюся их безумию: оставили бога и возлюбили диявола, поют в церквах бесовския песни, не стало у них, что у римлян, ни поста, ни поклонов, ни крестнаго знамения, и, пра-